Николай КАЩЕЕВ,
директор аналитического
департамента, Промсвязьбанк

Наша улитка на склоне New Normal

Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи, вверх, к самой вершине…
Кобаяши Исса

Я мог бы поговорить о новом enfant terrible мирового инвестиционного сообщества, о Японии. Мирно дремавшей среди бурно цветших, словно сакура в апреле, carry trades с иеной, копившей свою Фудзияму долга... Помню господина Ватанабе, так же мирно дремавшего на подиуме во время презентации японских госбондов в отеле «Арарат Парк Хайятт» в Москве, пока его подручный, посмеиваясь время от времени, рассказывал о дефиците бюджета в 6% ВВП... Мирно дремавшие — до поры.

Могу, последовав стилю наших геополит-экономистов, поговорить о таких аспектах медленного крушения левой, социалистической Европы, как волнения в Стокгольме, и об акте безумства в Лондоне, который из той же оперы. Порассуждать тут о неприятном (мне) пророчестве Шумпетера — как капитализм сам изживает себя, превращаясь в социализм, общество без стимулов, без двигателя. Но вот дым Отечества...

Недавно на круглом столе в НАУФОР мы говорили с А. Ведевым, А. Девятовым и А. Абрамовым из ВШЭ как раз об Отечестве. Не думаю, что могу отнимать авторские права у журнала «Вестник НАУФОР», который опубликует эту беседу полностью (рекомендую вашему вниманию), однако свои собственные мысли по этой теме, вероятно, изложить тут имею право. Они же мои, в конце концов. Позвольте по такому случаю передать их в виде воображаемого диалога.

Гм... Беседа в версии НАУФОР называется «Что не так?». Действительно, что не так? Правительство констатирует пять кварталов подряд замедление темпов роста. Даже зазвучало романское (испано-франко-итальянское) слово «рецессия». Все, кто мог, понизили прогнозы роста ВВП РФ в этом году, никто не сулит более 3%. А дальше начинаются трактовки...

Например, уважаемый экономист «Ренессанс Капитала» И. Чакаров упирает на теорию middle-income trap: при достижении определенного уровня ВВП на душу населения рост в большинстве экономик замедляется. И именно в эту ловушку, по мнению экономиста, попала Россия. По мнению Хесуса Фелипе, который в марте 2012 года опубликовал свой труд под названием «Ловушка среднего дохода: что это такое, кто в нее по-

пал и почему?», в 2010 году из 124 стран, по которым есть надежные данные, 52 были странами со «средним доходом» и из них 35 попали в пресловутую ловушку.

Думаю, что 2010 год был, несомненно, не самым удачным периодом для экономического анализа и обобщений, потому что среда была, скажем так, не вполне нейтральной. Однако, по сути, идея очевидна: однажды примитивная экстенсивная модель развития исчерпывает себя. Дальше требуется прорыв в конкурентоспособности, переход к интенсивному развитию. Последнее имеет разнообразные инкарнации, и разные пути ведут к нему. Потому, не заморачиваясь на проблеме ловушки среднего дохода, по-моему, можно перейти непосредственно к вопросу о конкурентоспособности как единственно важному для будущего экономики, имеющей хотя бы маломальские амбиции к росту. Тем более что есть серьезные подозрения, что российские проблемы простираются далеко за пределы той самой ловушки. Особенно если учитывать, как именно мы пришли в мышеловку и насколько этот путь отличался, например, от китайского.

Ведущий: Итак, почему не растем?

Я: Это настолько комплексный вопрос... Но и вопрос не совсем злободневный. Правильнее было бы спросить: «Почему мы до сих пор не знаем, как будем расти дальше?»

Очень просто было бы все свалить на мир: почти никто не растет. По крайней мере, так, как рос до 2008 года. Поскольку я люблю на основе каждого факта делать глобальные стратегические обобщения, то могу сказать следующее.

Действительно, глобальная парадигма экономического роста на сегодня все еще не определена до конца. Попытки реанимировать предыдущую парадигму кредитного расширения не могут быть длительно успешными, потому что нельзя дважды войти в одну реку. С 80-х до середины нулевых годов Америка шла к тому, чтобы эта парадигма достигла своего логического апогея и — начала разваливаться, как все, что достигло вершины и дальше развиваться, не меняясь, не может. Теперь точки развала можно достичь гораздо быстрее, потому что уровень левериджа уже и так достаточно высок.

Отсюда сегодня такой опасливый, но высокий аппетит к рисковым инструментам и одновременно с этим наличие колоссальных свободных средств у корпораций и банков, в том числе у тех самых американских, тех, что еще вчера были как раз локомотивами мирового инвестиционного процесса. У JP Morgan отношение кредитов к депозитам такое, которое не снилось ни одному нашему банку: около 70%. То есть накапливается избыточная ликвидность при одновременном аппетите к высокорискованным бумагам. А «середина», выходит, провалена. Например, потому, что как раз нет идеи устойчивого роста.

Что касается России, то она точно не проактивна. Она плывет по течению, копирует, как может, какие-то находки, которые появляются на Западе. А умеет она это не слишком хорошо, в частности, потому, что наши институты работают на троечку с минусом или того хуже.

Я думаю, что, конечно, есть комбинация внешних и внутренних причин стагнации, причем значительно более глобальных, чем депрессия на рынке нефти и перспектива дальнейшего падения ее цены. Настроение в бизнес-кругах не очень — можно посмотреть на сайте ФСГС. Тому есть материальные и нематериальные причины.

Во-первых, все видят, что завершен цикл, который нам предсказывал Goldman Sachs, — примерно 11 лет роста цены нефти, были переинвестиции в нефтяной сектор, и теперь должно прийти снижение цены как результат этих переинвестиций. Но это только одна сторона проблемы.

Во-вторых, на невысоком уровне находится доверие к российской власти — с ее противоречивыми, непоследовательными, временами и некомпетентными действиями. А также совершенно неуместным в текущей ситуации политиканством. Это, как мне кажется, лишнее, но это влияет на настроения, на инвестиционный, на бизнес-климат влияет. В текущей ситуации первое, о чем нужно заботиться, — экономика. Причем перестройка экономики, как представляется, должна быть направлена не столько на достижение темпов роста, сколько на коррекцию структуры экономики.

И тут есть взаимосвязанные факторы. Понятно, что от слова «реформы» уже тошнит, но поскольку экономика не развивается в вакууме, а происходит на поле общественных отношений, то без реформ, без изменения общества, его институтов на серьезный стратегический рост мы рассчитывать не можем.

Конечно, можно попытаться что-то сделать, чтобы ускорить рост. Например, понизить ставку ЦБ до 0.25%, наплевав на все и вняв мольбам, которые раздаются из стана, скажем так, тривиальных экономистов нашего времени. Можно напечатать денег, как сделал это в свое время Лукашенко, и распределять кредиты примерно таким же образом, благо госкорпораций у нас хватает. В случае с Белоруссией мы в результате имеем девальвацию ее национальной валюты, белорусского рубля, абсолютное недоверие к банковской системе, ставки по кредитам для физических лиц на уровне 40–50%. И стабилизацию за счет внешнего донора, которого у нас, в отличие от Белоруссии, просто нет.

То есть можно применить такие чрезвычайные способы. Но мне кажется, что теперь, когда весь мир бьется над вопросом, какая экономическая парадигма будет нас вести дальше, России тоже нужно решить подобный вопрос. Вопрос таков: за счет чего мы будем расти? Какие у нас имеются ресурсы для роста?

Конечно, есть надежда, что, когда США и сотоварищи найдут наконец механизм для глобального роста, мы к ним «прицепимся». Нет пока ощущения, что они уже нашли искомое. Может статься, что Америка и другие развитые страны будут расти на тех принципах, которые мы сегодня — с имеющимися институтами — просто не можем воплотить. Мы можем копировать прекрасные законы, например о проспекте эмиссии, и даже скопируем трастовое законодательство, но это все равно не гарантирует движения вперед по инновационному пути, хотя бы потому, что есть проблемы с применением закона. Вообще, инновационное развитие возникает из специального бульона, который в том числе включает в себя общественные отношения.

Ведущий: У нас так популярны апокалиптические прогнозы...

Я: Это наши любимые перегибы — пусть будет и мне плохо, но лишь бы у соседа корова сдохла... Но то, что мы видим, — не первый и не последний кризис в капиталистической экономике. Кризис — это перемены, обычно очистительные. Этот кризис по значимости сродни двум периодам перемен, которые есть в нашей памяти. Первый — это

Великая депрессия, абсолютно концептуальный кризис, когда приказал долго жить золотой стандарт и появилось кейнсианство. Все это, увы, закончилось войной, которая в конце концов и вытянула мир из ухаба.

Второй слом случился в 1970-е годы: это конец Бреттон–Вудса, появление плавающих валют. Плюс к этому — появление первых компьютерных процессоров, которые и сделали глобализацию реальностью.

Сейчас мы примерно в такой же точке по значимости. Одним делевериджем здесь не отделаешься. Нужно что-то большее, чтобы пройти через это, через «темные времена» new normal. А вот об этой концептуальной стороне вопроса в России не думают совершенно. Мы занимаемся своими частными и даже иногда ложными проблемами, но даже ими занимаемся на троечку с минусом.

КРЕДИТ НЕ МОЖЕТ РАСТИ БЕСКОНЕЧНО, И ВОТ ЭТА МОДЕЛЬ ОДНАЖДЫ ИСЧЕРПАЛА СЕБЯ ФИЗИЧЕСКИ: ДЕНЬГИ РАЗДАЛИ ВСЕМ, КОМУ МОГЛИ И КОМУ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПО ИДЕЕ

Ведущий: Но вот была «Стратегия 20-20», ее положили под сукно, а она подразумевала опору на средний класс...

Я: Все содержание Стратегии свели к 20 тезисам. Поскольку магия цифр велика, то это понятное действие, поскольку прочесть 850 страниц не каждому по силам. Смотрите, я просто зачитаю первый тезис из этих 20: «Радикальное наращивание инновационной активности в государственном секторе экономики, в компаниях с государственным участием, государственных корпорациях, в том числе через принятие и реализацию ими программ инновационного развития».

А вот пункт 19, «Политика»: «Радикальное повышение выработки и реализации правительством Российской Федерации инновационной политики, в том числе четкое распределение между координирующими и федеральными органами исполнительной власти». Мы вот так собираемся расти.

Ведущий: Авторы говорят, что это апокрифы. На самом деле стратегия была сдана 1 декабря 2011 года, а после этого никому не известно, кто и какие тезисы к ней дописывал... Но вот что касается роста, то все официальные прогнозы говорят о росте конечного потребления как о главном двигателе.

Я: А за счет чего будет расти спрос?

Ведущий: Тут упор делается на потребительский кредит.

Я: Соединенные Штаты в 2008 году пришли — правда, после многих лет роста — в тупик с их кредитной парадигмой по простой причине: отсутствие роста доходов большинства населения на протяжении длительного времени вызвало дальнейшую невозможность расширения внутреннего спроса и, следовательно, роста американской экономики. Именно с помощью кредита эта проблема была решена на время. Проблема роста, я имею в виду, но не проблема доходов! А кредит не может расти бесконечно, и вот эта модель однажды исчерпала себя физически: деньги раздали всем, кому могли и кому не должны были по идее. Мир, как мы знаем, копирует американцев. Мы, видимо, не успели вскочить в этот поезд и комфортно усесться в нем, пусть и во втором классе. Потребкредит в РФ не достигает и 15% ВВП.

При всем при том проблема в США не уходит: имущественное расслоение там продолжается, а доходы большинства людей продолжают стагнировать. Правда, у американцев есть такая вещь, как household net worth или wealth, то есть чистые активы домохозяйств, которые в США чаще всего монетизируемы. Домохозяйства могут покрывать часть своих проблем за счет таких финансовых и прочих активов. У наших граждан этой возможности нет.

За счет чего будет расти внутренний спрос, если мы на секунду себе представим, что кредитная парадигма себя исчерпала и у нас — ведь в России не так много кредитоспособных людей, как может показаться при «усреднении»? У нас кредитная экспансия, вообще говоря, быстро привела к тому, что некоторые банки под 60% и 70% годовых выдавали кредиты на кофеварки и утюги. Чудесное, безрисковое обеспечение внутреннего спроса, ничего не скажешь! И это произошло при уровне кредитов населению около 14% ВВП. А что же будет, когда мы правдами-неправдами «заколотим» туда, в население, кредитов 20–30% ВВП, например?

Ведущий: Много говорят о неэффективных решениях властей, коррупции... Неэффективность элит так сильно мешает экономике?

Я: Проблема, на мой взгляд, увы, глубже, и она замыкается в заколдованный круг. Потому что элиту мы получаем такую, какое у нас есть общество в целом. И эта элита репродуцирует такое же общество в дальнейшем.

У нас есть «чудная» традиция отсутствия социального развития на протяжении веков. И как вырваться из этого круга за короткое время? У меня лично есть какие-то представления об этом, но я не думаю, что они системны...

Вот в беседах с экономистами возникал очень важный вопрос о том, что в отличие от, например, США, даже в нынешней ситуации, когда там отнюдь не все хорошо, ответ со стороны российских предприятий, корпораций, предпринимателей на стимулирующие меры, которыми наши монетарные власти пытаются улучшить ситуацию, намного слабее, чем хотелось бы. Слабее даже, чем в слабых США сегодня. Думаю, что нет ответа и со стороны общества.

Если вы были в Китае, то, возможно, обратили внимание, насколько колоссален там размах малого бизнеса. И это — помимо грандиозной деятельности госкорпораций! Дело в том, что основа мировоззрения китайцев — конфуцианство. В ряде моментов оно перекликается с положениями протестантской этики. Например, идея о том, что если ты хороший человек, то Бог тебя заметит уже в этой жизни. И других способов получить благословение прямо сейчас, кроме как через счастье, богатство, успех, здоровье, нет. Китайцы признают то же самое: живи хорошо — и тебе будет вознаграждение. Веками воспитано, что успех наступает в этой жизни — только живи правильно, согласно этическим принципам.

У нас же, сами знаете: «от трудов праведных не наживешь палат каменных» и так далее. Благодарность за жизнь, которую ты проживешь в лишениях и страданиях, наступит только на том свете. Это глубинная психология, архетипы сознания и поведения. Мы не можем рассчитывать на такой же отзыв от людей, на который мог в свое время рассчитывать Дэн Сяопин. Поэтому в России нужны какие-то другие технологии работы с обществом.

Когда мы говорим о макроэкономике, то неизбежно должны обращаться к таким вещам. Человеческий капитал, если не затирать до дыр значение этого словосочетания, — это материал, с которым экономика работает в реальности. Неучет этого «материала» ведет к тому, что мы не получаем ожидаемый отклик и удивляемся потом, что у нас власть и элита таковы, каковы они на сегодня есть.

Не знаю, откуда и как, но должна появиться другая элита. Должный отклик снизу, имея в виду традиции пассивности, патернализма, мы все равно быстро не получим. Поэтому вопрос об элите становится критическим.

Ведущий: Говорят, что наша сегодняшняя монетарная элита неадекватна задачам роста экономики.

Я: Нехватка денег? Неоднозначно... Смотрите: чаще всего рассматриваются такие соотношения, как М2 к ВВП, показатель монетизации. Ради интереса я как-то раз посмотрел на соотношение денежной базы к ВВП в Соединенных Штатах и в России как показатель эмиссионной активности Центрального банка (и Минфина). Получилось, что в лучшие годы американская денежная база — это 6% от ВВП (до кризиса), а у нас она была порядка 9% ВВП. Не так плохо, не так ли?

Следующий аргумент— нужна очень мягкая монетарная политика, низкие ставки кредитования и на длинные сроки. В принципе, Центральный банк даже по мандату отвечает за короткие деньги, а не за дальний конец кривой. За дальний конец кривой отвечает... экономика. Но дело в том, что длинные деньги, кроме всего прочего, — это еще и доверие. Я не могу давать длинный кредит человеку, которому не доверяю, как и предприятию, которому не доверяю. Потому что мои риски высоки и не будут компенсированы разумными процентами. Помимо всего прочего, есть разные другие факторы, которые предъявляют определенные требования к заемщикам, а не только к кредиторам.

Давайте честно себе признаемся: «Лада-2101», «копейка», не поедет со скоростью 250 километров в час, даже если вставить в нее мотор от «ламборгини». Нужны еще другое шасси, другая трансмиссия, другой кузов. Для того чтобы осуществить какие-то перемены, чтобы толкнуть куда-то экономику и сделать это на долгосрочную перспективу, нужны инструменты, нужны механизмы.

Мы говорим, например, о том, что бюджетные расходы неэффективны, давайте их сделаем эффективными. Возникает вопрос: как? Во всем мире рецепт придуман столетия назад. Для того чтобы правительство работало эффективно, должна существовать инстанция, которая следит за правительством, но не встроенная в одну вертикаль с этим правительством, институт, который может критиковать правительство, который может его контролировать извне. Бороться с коррупцией, когда нет нормального противовеса тем или иным ветвям власти, нельзя. И эта ситуация воспроизводится в России регулярно, и каждый раз мы стучимся о нее головой. Законы физики невозможно отменить, какой бы суверенной страна ни была, и таблица умножения тоже одна для всех стран. Так же законы экономики и законы социума.

Если на сегодня нет сдержек и противовесов, то надо делать так, чтобы они появлялись, по крайней мере, обозначать такую тенденцию. Без этого ничего не выйдет.

Ведущий: А что бы вы сделали, обладай вы неограниченной властью?

Я: Что бы я сделал, обладай я неограниченной властью? Исходя из того человеческого капитала, который мы имеем? Из реалий...

Сейчас я скажу странную вещь. В душе я — за раскрепощение личности, за федерализм регионов и тому подобное. Но... Политика — искусство возможного. Все-таки, может, нам стоит пристальнее посмотреть на политическую китайскую модель, где, помимо коллективного руководства (это очень важный элемент системы), существует такой механизм, как практически директивное доведение до регионов только самых основных показателей экономического роста? Обратите внимание: я не говорю о китайской экономике в целом, она у нас невозможна, а о некоторых политических механизмах. Раз уж вертикаль власти все равно существует, то обеспечить «партийный спрос» с региональных руководителей, например, за рост ВРП и объем малого бизнеса по отношению к ВРП? Ну это я, что называется, фантазирую...

Проблема России — и в неравномерной развитости регионов, и она усугубляется отсутствием нормальных федеративных отношений, которые подменены вертикальной структурой. Уж коль скоро мы имеем вертикаль и не ставим себе целью ее демонтировать, то, может быть, имело бы смысл для новой элиты пристальнее посмотреть на китайскую модель, на то, как компартия Китая управляет экономикой.

Ведущий: Значит, без либеральной перспективы?

Я: Обратите внимание: как вы поставили вопрос, так я и отвечаю. Вы сказали о неограниченной власти, так? Получите и распишитесь. Власть такова, каков на нее спрос ☺